

его связь с мировой гармонией: Попытка же вернуться к этому богу, вновь познав «любовь, добро и красоту», терпит крах потому, что Демон, как единица, отпал от целого, и его связь с ним не восстановима, но также и потому, что правда бога — это не правда Демона, «неизменного» как в злобе, так и в любви.

Невозможность для Демона вновь обрести первоначальную гармонию объясняется, таким образом, как его отверженностью (тем, что его не принимает бог — мир), так и пройденным им путем познания (тем, что он не принимает мира — бога), не позволяющим герою удовлетвориться «неполным блаженством»¹.

Идея трагедии познания восходит к христианской религии и идеалистической философии, отражая кроющееся в них рациональное зерно: трагизм *неполного* познания, ограниченного рамками эпохи или человеческого естества.

К христианской религии и — еще точнее — идеалистической философии (ср. бога Платона, означающего Добро, или бога Шеллинга, символизирующего Любовь как нечто, связующее людей, как общее, отрицающее «себялюбие и эгоизм») восходит и образ Бога в финале поэмы: не случайно наивная, цельная вера является для Лермонтова символом чистоты, доступной лишь ребенку, женщине или народу (ср. *Казачью колыбельную песню*, *Бородино*, *Завещание* или стихотворение М. А. Щербатовой с характерными строками: «И следуя строго / Печальной отчизны примеру, / В надежду на Бога / Хранит она детскую веру»).

В свете такого наполнения этого символа можно не только понять значение финала и вознесения Тамары, но и полнее осмыслить сам образ Демона в двух из трех его основных ипостасей: в стремлении к любви — идеалу и в «злой» стороне его натуры, препятствующей достижению этого идеала. В то же время этот символ противоречит еще одной, важнейшей ипостаси характера героя — его «высокому злу», богоборчеству, уже не только не вырастающему из традиционных религиозных или философских представлений, но и прямо идущему в разрез с ними. Заимствуя из христианства и идеалистической философии идею божественной любви как общего начала, связывающего между собой людей, Лермонтов не принимает ее как «бесстрастную божественную любовь», ведущую человека к отказу от своей индивидуальности, как покорность и смирение. Поэтому Демон и Тамара выступают у него как равновеликие силы, из которых каждая утверждает одну из сторон романтического идеала: Тамара — красоту самоотверженного чувства, Демон — силу яркой, самобытной индивидуальности, восстающей против всего, что сковывает ее свободное проявление. Поднимая своего героя на вершины «высокого зла», *богоборчества*, Лермонтов выдвигает на первый план и проблеме *любви* как идеала, не только воплащая его в символических образах бога и небес, но и вкладывая страстную жажду этого идеала в душу самого

¹ В этом смысле нам кажется убедительной трактовка Е. Пульхритудовой трагедии Демона как «трагедии познания». Однако трудно согласиться с концепцией автора, по которой Демон оказывается носителем отвлеченной, холодной мысли: героя Лермонтова характеризует и колоссальная, «нездешняя страсть» (ср. также конец Тамары «в пылу страстей и упоенья»), убийственная именно своей силой и безбрежностью.